

**ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX и XXI ВВ.,
ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОРА**

МЕТАФИЗИКА И.А. БУНИНА

**МЕЖВУЗОВСКИЙ СБОРНИК
НАУЧНЫХ ТРУДОВ**

ВЫПУСК 3

**Воронеж
2014**

УДК 821.161.1 Бунин.06(082)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-4(Бунин)
М54

Редакционная коллегия:

проф. Никонова Т.А. (*науч. ред.*),
проф. Бердникова О.А. (*отв. ред.*),
доц. Алейников О.Ю., ст. лаб. Мазуренко О.В.

Метафизика И.А. Бунина: Сборник научных трудов, посвященный творчеству И.А. Бунина. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. – Вып. 3. – 188 с.

ISBN 978-5-4292-0089-7

Данный сборник научных трудов, посвященный творчеству И.А. Бунина, подготовлен по материалам конференции «Современная рецепция творчества И.А. Бунина в контексте “антропологического поворота” рубежа XX-XXI вв.» (2013) и Творческой мастерской «Метафизическая проблематика и символика в рассказе И.А. Бунина “При дороге”» (2013). Он суммирует научный опыт отечественных и зарубежных буниноведов, исследующих проблематику и поэтику произведений И.А. Бунина в метафизическом аспекте.

Для исследователей творчества И. Бунина, студентов-филологов, преподавателей-словесников и для всех, интересующихся историей русской литературы XX века.

ISBN 978-5-4292-0089-7

9 785429 200897

© Воронежский государственный университет, 2014
© Кафедра русской литературы XX и XXI вв., теории литературы и фольклора, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции..... 5

I

Современная рецепция творчества И.А. Бунина в контексте «антропологического поворота» рубежа XX–XXI вв.

Т.А. Никонова (*Воронеж*) Творчество И.А. Бунина в контексте «антропологического поворота» конца XX века..... 7

Цунэко Мотидзуки (*Саппоро, Япония*) Жизнь и бессмертие в поэзии И. Бунина 14

Т.М. Двинятина (*С.-Петербург*) Об очевидных и неочевидных источниках некоторых стихотворений И. А. Бунина 19

А.И. Смоленцев (*Вятка*) Созерцание Неуловимого Света (анализ одного стихотворения И. Бунина)..... 29

И.С. Урюпин (*Елец*) Ветхозаветный текст в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» 34

Т.Н. Ковалева (*Пятигорск*) Тип «обреченного человека» в прозе И.А. Бунина 1914-1916 гг..... 39

Н.А. Трубицина (*Елец*) Геокультурный образ Палестины в цикле И.А. Бунина «Тень птицы»..... 46

С.Г. Рябова (*Иркутск*) Композиционный образный строй рассказа как тип целого эстетически завершенного события (И.А. Бунин «Пыль»)..... 52

Р.С. Переславцева (*Воронеж*) Тема русской смуты в творчестве И.А. Бунина периода Первой мировой войны 58

Т.Ф. Пухова (*Воронеж*) Пасхальная ночь в изображении А.П. Чехова и И.А. Бунина («Святою ночью» и «На чужой стороне») 64

С.М. Белякова (*Тюмень*) Темпоральная организация романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»: лингвистический аспект (на материале 1 и 2 книг)..... 75

Е.В. Сидорова (*Воронеж*) Роль сравнений в описании внешнего облика человека в произведениях И.А. Бунина..... 84

Таким образом, в рассказе «При дороге» для И.А. Бунина становятся важными общеродовые ценности. Нет четкого разграничения на мужской мир и женский, как во многих его рассказах и повестях («Игнат», «Митина любовь», «Дело корнета Елагина»). Героев объединяют общие портретные доминанты, которые характеризуют их жизненный путь, духовные и материальные устремления. Наличие этих общих доминант указывает на общность судьбы героев, которая трагически реализуется «при дороге».

1. Пращерук Н.В. Реальность духовного в прозе И.А. Бунина: софиологический аспект / Н.В. Пращерук // Классическая словесность и религиозный дискурс – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2007. – С. 282-300.

2. Бунин И.А. Собрание сочинений в шести томах. / И. А.Бунин. - М.: Художественная литература, 1987. – Том 3. С.167. В статье произведения Бунина цитируются по этому изданию с указанием тома (римской цифрой) и страницы (арабской цифрой).

3. Степун Ф. Иван Бунин / Ф.Степун. Портреты. – СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 1999. – С. 216-260.

4. Зима Д. Имя и судьба / Д. Зима. - М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1999. – 512 с.

5. Бабореко А.К. Бунин. Жизнеописание / А.К. Бабореко. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 146 с.

О.Н. Фенчук

Барановичский государственный университет, Беларусь

«ДУХОВНОЕ» И «ПОРОЧНОЕ» КАК ДОМИНАНТЫ В РАССКАЗАХ «ПРИ ДОРОГЕ» И «АГЛАЯ»

И.А. Бунин в своём творчестве всегда стремился разрешить загадку человеческой жизни, понять её смысл и суть. И, несмотря на многообразие затрагиваемых в его произведениях вопросов, можно выделить две темы: «духовное» и «порочное», которые ярко проявляются в творчестве 1910 годов. Именно эти темы раскрывают те противоречия жизни, которые разрушают повседневный уклад человеческого существования, как на бытовом, так и на морально-нравственном уровне. Кроме того, «духовное» и «порочное» – крайности, как нельзя лучше характеризующие человека в классической русской литературе. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить героев Ф.М. Достоевского.

Толковый словарь Ожегова даёт следующее толкование слова «порок»: «тяжёлый предосудительный недостаток, позорящее свойство; аномалия, отклонение от нормального вида, состояния и, наконец, развратное поведение» [4, 555]. Следовательно, порочность в соотношении с духовностью есть аномалия, недостаток, отклонение. Как примеры, можно привести: лживость, пьянство, страсть.

В рассказе «При дороге» писатель показывает жизнь русской крестьянской девушки Параша, неразвитость (детскость) и одиночество (дикарство) которой приводит к тому, что наивная мечта о любви перерождается в порочную страсть. Для быстро повзрослевшей девушки порочное влечение становится, своего рода, наваждением. Простор полей, заглохшая дорога, жизнь в стороне от людей, отсутствие соседей создают в рассказе «При дороге» картину «тихого омута»: «Место, что он выбрал себе, отойдя от господ, было *безлюдное*. Ржи морями разливались по *волнистым* полям вокруг его степного двора. Во ржах за двором стояли два *бесприютных* дубка, шли неглубокие овраги, густо зараставшие к лету белыми цветами. Во ржах насупротив, за большой дорогой, терялся дубовый лесок; в той стороне было и село – *однودворческое* старинное село Баево, да *волнистые* поля скрывали его. До воли было много проезжих по большой дороге. Потом их следы, колеи затянулись, заглохли, закурдравились редкой мелкой муравой» [III, 425. Курсив мой – О.Ф.]. Место *безлюдное*, тихое, две сестры как *бесприютные* дубки, среди *волнистых* полей. Однако сёстры разные, разные и их судьбы.

Параша мечтает о будущем: «Любимым местом ее был порог, по часам сидела она на нем, чуть склонив к плечу голову. Далеко куда-то, в счастливую страну, направлялись все те, что порою проезжали, проходили мимо» [III, 430]. Мечты девушки навеяны путниками – чужими, посторонними людьми. Она находится в состоянии покоя и ожидания, тогда как дорога уводит других в «счастливую страну». Образ дороги становится своеобразным центром, вокруг которого группируются события. Именно дорога становится символом манящего, запретного, греховного. О порочности, проявляющейся в страсти, говорят следующие строки: «Одно лето на нее напала страсть к селу. Она стала наряжаться, гостить у сестры, бывать с девками в хороводах, петь и плясать с ними, притворяясь бойкой. Потом бросила, опять почувствовала себя чужой селу, девкам, Евгению» [III, 428].

Мечтательность, при отсутствии положительного примера и руководства родителей, отчуждение от людей, при стремлении найти близкую душу, приводит к драматическим последствиям. Желания девушки непоследовательны, импульсивны и противоречивы как у ребёнка. И это объяснимо. Отец постоянно в отъезде, занятый своими делами, матери нет. Девушка с малых лет впитывает то, что «приносит» ей «дорога». Подобно морской волне, выбрасывающей на берег различные диковины и бесполезные предметы, она приводит к Параше людей пёстрых, далеко не идеальных, которые становятся для неё своеобразным примером для подражания, образцом. Девушка воспитана не родителями, а «обстоятельствами», кроме того, она чувственна.

Параша с самого детства обольщена «любовью», к этому и стремится её душа: «А любовь – это слово она узнала и почувствовала ра-

но и тоже не просто. Еще в детстве поразило оно ее. Однажды, в жаркий летний полдень, сидела на камнях возле Устинова амбара мещанка из Баева, пьяница и бобылка. Она разложила возле себя спички, жестянку с махоркой, курила и глядела на Парашку, возившуюся в пыли возле нее. «Что ж, отец не прогнал еще любовницу-то?» – сиплым таинственным шепотом спросила она. И Парашка навсегда запомнила это особое слово и наитием угадала его сокровенный смысл. С тех пор всякий раз, когда случалось ей не вовремя забежать в избу и видеть на коленях у отца однодворку, сладким страхом и стыдом обжигало ее» [III, 430]. Это чувство в глазах героини совсем не наполнено душевным, а уж тем более духовным содержанием. Неудивительно, ведь о любви рассказано «таинственным шепотом», не родным человеком, а посторонним, и окутана она «сладким страхом». Отсутствие материнской заботы и ласки заставляет искать их у чужих людей. Потому-то девушка встречает не родную душу, а человека, который дарит ощущение «сладкого страха».

Её чувство к мещанину носит приземлённый, телесный характер, что подчёркивает писатель. Она не воспарила от любви, любовь не сделала её мысли чище, «она ходила как пьяная». О порочности будущих отношений намекает писатель в эпизоде знакомства Парашки с Никанором, где отдельные детали описания, снабжены эпитетами: «густой грязно-серой», «грязную сорочку», «грязный ворот». Девушку волнуют чувственные видения, она томится думами о запретном: «Парашка заснула в чувстве того жуткого и манящего, что есть в неизвестных прохожих и проезжих людях, очарованная смутной думой о том, как погубит, как увезет ее куда-то вдаль молодой мещанин» [III, 428]. Это темный зов плоти. Парашка вступает в связь с Никанором, не любя его, находясь во власти инстинктов, и при этом рушится созданный ею идеальный мир, находится на грани гибели ее душа.

Иная картина представлена в рассказе «Аглая». Как справедливо считает О.А. Бердникова, «на первый план выступает конфликт между оболщением земными страстями и отречением от радостей земной любви. Бунин всегда поэтизировал «сладостное бывание» человека в миру и в мире. Возможность «господства духа над душой и телом» (отец Сергей Булгаков) представлялась ему уделом натур избранных, явлением почти непостижимым...» [1].

Смерть унесла жизнь родителей Аглаи и Катерины, героинь рассказа «Аглая», но их уход представлен как естественное течение жизни, смена времён года, дня и ночи. Оставив на этой земле своё продолжение, двух дочерей, родители покинули бренный мир земных забот и страстей. И так же мирно, как, видимо, жили их родители, живут две сестры. Их помыслы далеки от земных утех, а старшая, взявшая на себя заботу о сестре, Катерина, «о муже горевала, плакала; плакала и о своей бездетности.

А выплавав слезы, дала обет не знать мужа» [IV, 100]. Обе сестры будто не от мира сего. Вот что Бунин говорит об Аглае: «Со сверстницами она в детстве не водилась и бывать не бывала нигде, – только раз сходилась с сестрой в то старое село за Свят-Озером, где на погосте, под соснами, торчат сосновые кресты и стоит бревенчатая церковка, крытая почерневшими деревянными чешуйками» [IV, 99-100].

И если в рассказе «Аглая» дорога ведёт сестёр к могиле родителей, старой церкви, то в рассказе «При дороге» Параша идёт «дорогой» порочной страсти. Поэтому особенно пристально исследует Бунин становление чувственного мира героини – это её не совсем дочерняя любовь к отцу и любовь-страсть к «мещанину-конокраду». Характеристики, которые дают возлюбленному Парашки, говорят сами за себя: отец говорит ей – «кружится, как вор», «кто ж его, плута, не знает»; старый босяк во время первой встречи коротко характеризует – «вор-мещанин».

Греховность, порочность жизни отца героини заявлена в рассказе «При дороге» с первых строк: «Устин давно вдовел, – говорили, что он убил жену из ревности, – жил не по-мужицки: не землей, а тем, что в рост деньги давал, сеял кое-что только для домашнего обихода, вокруг дубков и над оврагами, и даже скотины путной не держал: хороши у него были одни лошади. В избе хозяйничала сперва его любовница, вдова-однодворка, сероглазая красавица, потом старшая дочь, Евгения. Но Евгению, чуждую и немилую ему, он рано выдал и заместил работником, пожилым придурковатым мужиком Володей. А сам часто отлучался из дому – и росла молчаливая Параша одиноко» [III, 425. Курсив мой – О.Ф.]. Он, будучи крестьянином, жил не по-крестьянски. Как указывает писатель – человек он страшный: «Лихву назначал скромную. Но ведь лихвой и жил он, а такие люди всегда страшны немного» [III, 429]. Кроме того, являясь христианином, поступал не по христиански: жену – убил, вместо жены – любовница, родная дочь (Евгения) ему не мила. И на бытовом уровне жизнь его аномальна: скотина у него не путная, прислуга – придурковата. Человек, живущий ради выгоды, – порочен. Он не в «поте лица» добывает свой хлеб, но «барышом», обманом.

Порочность человека в рассказах Бунина часто раскрывается в нарушении естественного течения жизни, разрушении семейных отношений: сиротстве героев, неполной семье («Весёлый двор», «Хорошая жизнь», «При дороге», «Я всё молчу»). Бунин подводит к мысли о том, что порок порождает порок. Отец, убив из ревности свою жену, мать Парашки, разорвал преемственную связь поколений, разрушил нравственные устои семьи и хотя «близок был Парашке лишь отец. Ее любовь к нему росла с каждым годом. Но не простая, не спокойная была эта любовь». В рассказе порочные поступки сокрушают душу героев. Сестра Парашки Евгения, осуждая отца, ведёт себя подобно ему, она из-

меняет мужу-солдату: «Сестра, когда угнали ее мужа в солдаты, вскоре пришла однажды на хутор. «Батюшка дома?» – глухо крикнула она, подойдя к замерзшему окну. Потом вошла, села на лавку, стала есть хлеб и все говорила, что она на минутку, все поглядывала на входившего и выходившего Володю, высокого худого мужика. Он, роясь на лавке в веревках и вожжах, картаво бормотал: «Сто ж не раздеваешься?» А сестра медленно мотала головой, закутанной в пеньковый платок: «Я на минутку...» Была она в промерзлых лаптях, в красной юбке грубой шерсти, в сермяжной куртке, туго застегнутой на полной груди, и крепко пахло от нее, крепкой, здоровой бабы, избяным дымом и ржаным хлебом, который она не спеша жевала. «Ох, что ж это я сию-то!» – говорила она. И вдруг поднялась и решительно вышла, но не домой, а в сени, к Володе. Парашка кинулась к двери и замерла, прильнув к ней ухом. Бежали минуты за минутами, все гуще сеял кто-то ночную муть в избе, и ни звука не слышно было за дверью. Но Парашка, казалось, все видела, все слышала...» [III, 431]. Ложь – это фундамент порочности.

Все обманывают друг друга, делая вид, что не замечают этого, или не хотят замечать. Никанор лжёт девушке, используя её доверчивость, начиная со сцены объяснения в любви. Позже он предлагает Параше бежать в Ростов, увести со двора отца двух кобыл, т.е. завершить свои отношения с отцом, его предательством. Но у неё появляется мысль о раскаянии: «Она помолчала, и в сердце у нее опять задрожала злоба против него. Ждать целую неделю! Как он не чувствует ее муки! Ах, да не лучше ли взять да повеситься вот на этом дубке? – подумала она без слов и стала крепко кусать губы, удерживать дрожь мускулов на лице, но не выдержала и заплакала» [III, 443].

Герои живут в наваждении обмана. Но вечно лгать невозможно – правда всегда найдёт себе дорогу, как бы горька она не была. Своим поступком девушка оскверняет не только телесную, но и нравственную чистоту. И ложь становится мороком скрывающим истину, а правда открывает глаза на произошедшее: «Оказалось, что она даже и не подозревала прежде, в каком наваждении жила она, как много думала все об одном и том же, сколько смутных пленительных картин каких-то дальних счастливых городов, степей и дорог дали ей думы, как нежно любила она кого-то... Сделав свое страшное дело, Никанор убил и ее и себя. Он, этот коротконогий вор, вдруг стал живым, настоящим – и ненавистным ей. Не могла любить и никогда не любила она его. Теперь без стыда, отвращения и отчаяния нельзя было вспомнить об этом человеке. Сбылось предсказание страшного босяка! Она чувствовала себя как бы зараженной какой-то постыдной неизлечимой болезнью и навеки отделенной от отца бездонным провалом» [III, 441].

Бунин не договаривает об отношении отца к дочери, оставляя читателю возможность домыслить это в эпизоде отъезда Устина на яр-

марку. Возможно влекомый образом любимой, убитой из ревности жены, он не в силах владеть собой: «Но он еще ближе прижался к ней и вдруг зашептал совсем на иной лад, заискивающе, слащаво, путаясь:

– А гостинчика, обновочки хочется? Я в город, на ярмарку еду сейчас – что тебе купить? А? Говори-ка скорей, не бойся...

И дрожащей рукой скользнул по ее спине. И, пораженная, она так рванулась из-под него, что он чуть не упал с нар. Вскочив на ноги, она забилась в угол, протянула вперед руки, а он отступил и забормотал:

– Что ты? Что ты? Да ты что подумала-то?

– Уйди, – едва слышно выговорила она, чувствуя свои оледеневшие губы. И в радостном изумлении, в светлом восторге иступления, отчаяния, подумала: «А-а! Так вот оно что!» [III, 444]. А может раннее сознание девушки, любившей отца не совсем дочерней любовью, вкладывает иной смысл в поведение Устина?

Герои рассказа ведут себя бесстыдно: «Отец солдата, коротконогий мужик в черной бороде с сединой возле рта, странно веселый человек, не стыдясь женатого сына, женился в третий раз на хромой бабе с дерзким взглядом...» [III, 437]. Бесстыдно подглядывает работник Володя за Никанором и Парашей. Бунин акцентирует внимание на стыде и бесстыдстве. В связи с этим стоит заметить, что чувство стыда в рассказе испытывают лишь Параша и её отец. Девушка со «сладким страхом и стыдом» наблюдает однодворку на коленях отца, «польстило ей это рукопожатие, и обожгло стыдом», «без стыда, отвращения и отчаяния нельзя было вспомнить об этом человеке». В разговоре с дочерью Устин говорит: «с отцом стыдно об этом балакать...», а после праздника ему «стыдно, дюже напился».

В рассказе «Аглая» именно церковь и искренняя вера сестёр становится нравственной опорой поведения, определяет поступки девушек. Жития святых в «Аглае» – это важная составляющая повествовательной ткани произведения. Бунин интересовался и хорошо знал жития многих святых. Сопоставляя рассказ с «Летописью Серафимо-Дивеевского монастыря» можно найти много сходств в судьбах и портретах лиц, упоминаемых в летописи и рассказе. Так, духовником старшей сестры Екатерины, был старец Родион. О нём она много рассказывала Аглае. «Батюшка Родион, сказала она, спасался сперва в одной дремучей и славной пустыни, основанной на тех самых местах, где среди дремучего леса, в дупле трехвекового дуба, жил некогда великий святой; там нес он строгое послушание и принял пострижение, удостоился за покаянные свои слезы и бессердечие к плоти лицемерия самой царицы небесной, выдержал обет семилетнего затвора и семилетнего молчания, но и этим не удовольствовался, оставил монастырь и пришел, – уже много, много лет тому назад, – в наши леса, надел лапти лыковые, белый балахон из вретича, епитрахиль черную

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ
В РАССКАЗЕ И.А. БУНИНА «ПРИ ДОРОГЕ»

с осьмиконечным крестом на ней, с изображением черепа и костей Адамовых, вкушает лишь воду и снятку невареную, окошечко своей хижины заградил иконою, спит в гробу, под негасимую лампадою, и в полночные часы непрестанно осаждают его звери воюющие, толпы мертвецов яростных и диаволов...» [IV, 103] – в этом повествовании Бунина переданы веки жизни преподобного Серафима Саровского.

О многом в рассказе говорят имена: Анна (имя героини в миру) – «благодать», Аглая «блистательная, прекрасная», Екатерина «чистая, непорочная». Исходя из их смысла, можно сделать символический вывод, что «непорочная дева» воспитала девушку, несущую «благодать», во всей «красоте и блеске». И действительно внешняя красота Аглаи подчёркивается писателем неоднократно. В рассказе Бунин говорит о красоте душевной, которая делает человека прекрасным как духовно, так и физически. Отказ от земных соблазнов, следование данной Богу клятве подкрепляет человека в повседневной жизни. В обоих рассказах писатель отметил причины, которые обусловили жизненный выбор героинь. Но если в рассказе «При дороге» представлены мысли Параша, материализованные в её поступках, то внутренний мир Аглаи сокрыт от постороннего взгляда: «А думаешь ты о чем?» – «Так. Я не знаю» [IV, 99]. В этом разговоре с сестрой она не лукавит, но не может передать словами, то, что тревожит её душу, т.к. божественная благодать непередаваема.

И.А. Бунин в рассказах «Аглая» и «При дороге» создал два женских типа, в одном показал порочные страсти, в другом – подвиг смирения и духовного просветления. Порок, страсть писатель преподносит в православном понимании бесноватости – Параша, пойманная мужиками «отбиваясь, проявила страшную силу» (см: бесноватый в евангельском тексте). Исследователь И.П. Вантенков утверждает, что «именно в рассказах писателя о крестьянстве бунинский синтетизм восприятия жизни существенно подточен трагическим ощущением всеислия существующей в жизни дисгармоничности» [3, 113-114]. Дисгармония жизни проявляется в борьбе «души» и «тела», столкновении «духовного» и «порочного».

1. Бердникова О.А. Путь и Истина Ивана Бунина / О.А. Бердникова. – URL: http://www.vob.ru/public/bishop/ep_vest/2003/3-70/bunin.htm. (дата обращения: 24.10.2012).

2. Бунин И.А. Собрание сочинений в 6 т. / И.А. Бунин – М.: Худ. лит. – 1987-1988. Все ссылки даны с указанием тома и страницы в тексте.

3. Вантенков И.П. Бунин-повествователь / И.П. Вантенков. – Минск: изд-во БГУ им. В.И. Ленина. – 1974. – 160 с.

4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: АЗЪ, 1994. – 928 с.

Поэтика заглавий произведений И.А. Бунина мало исследована на сегодняшний день. Изучением данной проблемы в разное время занимались: Т. Ю. Ярова, З. В. Николаева-Фатова, В. В. Краснянский и другие. Однако систематического анализа заголовочного комплекса произведений прозы и поэзии Бунина нет. Между тем, это значимая область исследования, так как заголовок является частью структуры художественного текста и его смыслообразующим основанием. В данном случае будет исследована проблема выражения архетипических образов в заголовочном комплексе рассказа И. Бунина «При дороге».

В своей статье Дмитрий Замятин верно заметил: «Образы дома и дороги являются базовыми, фундаментальными для многих человеческих культур. Обретение, построение и утрата, потеря собственного дома, уход из родного дома и возвращение домой, дом неподвижный, как бы въевшийся в дорогое место и дом кочевой, передвижной, дом в дороге – вот наиболее известные архетипические оппозиции, порождающие устойчивое и расширяющееся пространство всё новых смыслов, символов, мифов и образов» [1; Электронный ресурс]. Лариса Торопчина по этому поводу пишет: «Мотив дороги отчётливо виден ещё в ряде произведений древнерусской литературы: в поход «на землю половецкую», желая отомстить кочевникам за обиды, нанесённые русскому народу, и «зачерпнуть шеломом Дону», отправляется князь новгород-северский Игорь Святославович со своей дружиной, воины которой «родились под трубами, росли под шеломами, выросли как воины», то есть привыкли к битвам и кочевой жизни; в путь на битву с ханом Мамаем ведёт войско князь Московский Дмитрий Иванович («Задонщина»); далёкому, полному трудностей путешествию в чужие края тверского купца Афанасия Никитина посвящена автобиографическая рукопись, которая так и называется — «Хождение (или — по-русски — хожение) за три моря»; полон лишений и страданий тяжкий путь из Москвы в Сибирь мученика за старую веру, неистового протоппа Аввакума и его семьи («Житие протоппа Аввакума, им самим написанное») [2; Электронный ресурс]. Таким образом, Бунин уже даже в названии упоминая два главных архетипических символа, создаёт определённый контекст для восприятия рассказа.

В центре повествования судьба одной семьи, где имеют места быть страшные преступления. Читателям в первой же строке указывается, что «Устин, отец Парашкин, жил при большой Новосильской